

Всё живое — трава и листва,
Небо тёплое, руки дождя,
Вы простите меня: не права
Я была, забывая себя,

Растворяясь в дневной суете
И печалюсь из-за пустяков...
Здравствуй, небо в ночной нагоде,
Шорох ливня, как песня без слов.

Колыбельная космоса — дождь,
Под неё позабыть всё легко,
Чистой правдой смывается ложь,
И земное уже далеко...

А когда клочья туч разметёт
Ветер южный с далёких полей,
Всё бывшее быльём порастёт:
Одуванчик, цикорий, пырей...

* * *

Мы были музыкой когда-то,
Слагали песенки зимы,
Но мы не знали адресата,
И отклика не знали мы.

Что с этим временем сравнится,
С тем одиночеством живым,
Когда дрожат во тьме ресницы
От слёз горячих ножевых?

Сравнить ни с чем я не рискую
Ни снежный дым, ни горький взгляд,
Ни песню нежную такую,
Что на другую не глядят,

И столики в кафе, и запах
Мороза в облаке тепла...
Ничто не изменилось за год,
Вот только музыка прошла.

* * *

На воле засыпают города.
Висят огни, на воздухе мерцают,
И плоская лежит во тьме вода,
Волною перетянута до края.

В ней небо до земли отражено,
Такое же чернильно-золотое,
Качается и падает на дно,
Колечком дорогим на дно речное.

Пересекая над рекою высь,
Незримая, парит ночная птица,
Как будто звёзды для неё зажглись
На синей неразгаданной странице.

И нам не нужно слов, не нужно клятв,
Чтоб доверять любви своей, как прежде.
Серебряные буквы звёзд горят
В неопалимой, горестной надежде.

* * *

...А никто и не знает, чем закончится это
Ожидание вечности, тайна огня.
Мне осталось всего полчаса до рассвета,
До любви, обнимающей сердцем меня.

Оттого что душа — это тихая жажда,
Неизбежность ухода за грань бытия,
Ей уже ничего в этом мире не важно,
Кроме странного, смертного “я”.

* * *

Господи, постучи мне в сердце
Красной рукою кленовых листьев.
Мы с этим клёном единовёрцы,
Мы друг без друга себя не мыслим.

Мы прорастаем в синее небо,
В гнёздах колючих звёзды качаем,
Как золотую светлую небыль
С их опечаленными свечами.

Мы обнимаем молча друг друга
Лиственной вьюгой, её круговертью.
Что нам осталось? Воздух так туго,
Тихо натянут, словно бессмертен.

* * *

Большие колокольчики лесов
Дрожат и держат на весу поляну.
Они звонят не поздно и не рано,
Но в час, когда не нужно больше слов.

Ведь в них речная гладь отражена
Такой, какую видим утром белым,
В них — блеск листвы, луч солнца загорелый
И человек, восставший ото сна.

И так понятен свет их синевы,
Их перезвон скупой сиреневатый,
Поющий из таинственной травы,
Что мы уже ни в чём не виноваты.

Мы правы тем, что рождены на свет
И счастье вместе с горем мы вдохнули,
И нас других и не было, и нет
Перед лицом прозрачного июля.

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой, —
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевой.

Не пером, не акварельной кистью —
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,

Если от рожденья до погоста
Только прочерк — журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Напишу небесную Россию,
Горних обитателей её.